

Он был светлым

В. П. ФЕОДОРИТОВ

А. Д. Сахаров – сотрудник КБ-11

Я и мои сверстники, молодые специалисты, прибыли во ВНИИЭФ в начале пятидесятых годов. Это было время напряженной работы, время, полное волнений, неожиданностей, радостных открытий и риска. Создавалась совершенно новая область техники, и все участники работы буквально горели желанием сделать все возможное, чтобы не отстать

от Америки в атомном вооружении, сделать Советский Союз могучей атомной державой.

Нашей стране повезло, что наряду с другими крупными учеными в этом большом деле приняли участие два гениальных физика – Сахаров и Зельдович. Для нас, молодых физиков-теоретиков, было большой радостью работать с ними. Содружество этих талантов было чрезвычайно плодотворным.

Внешне Зельдович и Сахаров были прямой противоположностью друг другу. Зельдович – невысокого роста, немного полный, подвижный, энергичный; волосы, окаймлявшие его голову, были коротко подстрижены, сквозь круглые очки смотрели веселые внимательные глаза. У него был приятный глубокий голос, речь текла легко и свободно.

Сахаров – высокий, худощавый, медлительный, со спутанными темными волосами. Он слегка картавил, речь его была нетороплива, но эмоциональна и сопровождалась доброй улыбкой. Порой ему приходилось подбирать слова «методом попыток».

Когда мы, молодежь, летом после работы звали с собой наших старших коллег поиграть в волейбол на поляне среди сосен, то ловко использовали их физические данные. Сахарова мы ставили у сетки и просили поднять вверх ладони – получался прекрасный блок. А Зельдович – защитник – носился по всей площадке и весело смеялся, когда мяч улетал от него в совершенно непредсказуемом направлении.

Зельдович обычно бывал опрятно одет, следил за своей внешностью, тем более, что был не прочь произвести на женщин благоприятное впечатление. Правда, как-то неделю ходил в ботинке с подошвой, примотанной изоляционной лентой, – но потому, что подходящую обувь в городе купить было нелегко.

Внимание Сахарова было всецело поглощено наукой, он мало внимания уделял своей внешности. «Сахарная болезнь», – с улыбкой говорил Зельдович, в очередной раз поправляя воротник пиджака Сахарова, который обычно бывал наполовину заломлен. «Андрей, у тебя галстук развязался», – однажды, рассмеявшись, показал он на тесемку, волочившуюся за ногой Андрея Дмитриевича.

Зельдович любил выступать перед аудиторией, часто устраивал семинары для сотрудников. Он умел заинтересовать слушателей, доходчиво излагал сложные физические теории. Он удачно использовал образные сравнения, а иногда, в чисто мужской аудитории, позволял себе вольные выражения, но всегда так весело, остроумно и к месту, что это не резало слух, но очень оживляло изложение.

Сахаров обычно по своей инициативе семинары не устраивал, но когда Зельдович предлагал ему провести научный доклад, он не отказывался. Говорил Андрей Дмитриевич неторопливо, но горячо, вдохновенно. Он одинаково хорошо владел и правой, и левой рукой. Начинать писать на доске, держа мел в правой руке, азартно комментировал выкладки, левой рукой доставал носовой платок, вытирал им лоб, а затем им же стирал с доски формулы, засовывал обратно в карман, перехватывал мел в левую руку, писал, горячо комментируя, правой рукой брал тряпку, вытирал ею лоб, засовывал в карман, перехватывал мел в правую руку, левой доставал из кармана измазанный мелом платок, вытирал лоб... К концу семинара и костюм, и лицо Андрея Дмитриевича были измазаны мелом, но ни он, ни слушатели не замечали этого – все были увлечены страстным выступлением ученого. Завязывалась дискуссия, основными участниками которой были Сахаров и Зельдович. Поражали их острый ум, громадные физические знания, они быстро схватывали суть процессов.

Немногие из нас успевали следить за полетом их мысли.

Очень сильная сторона таланта Сахарова состояла в том, что он был не только гениальным физиком-теоретиком, но и замечательным изобретателем. Глубокая физическая интуиция сразу подсказывала ему, как использовать на практике подмеченный физический эффект, открытую им закономерность. Пример тому – термоядерный синтез с магнитным удержанием плазмы, магнитная кумуляция, многочисленные изобретения, положенные в основу термоядерных зарядов, громадное количество ценных советов физикам-экспериментаторам.

Я был свидетелем зарождения одного научно-го исследования в новой для Андрея Дмитриевича области физики. Зельдович однажды сказал Сахарову: «Интересно бы изучить, как развиваются возмущения на поверхности сходящейся оболочки. Может быть, займешься этим, Андрей? Молодежь еще слаба», – он кивнул на нас, молодых физиков. Сахаров задумался, а через некоторое время появился отчет, в котором он, остроумно и неожиданно изменив теорию адiabатических инвариантов, детально исследовал это важное явление. Да, молодежь была «слаба» по сравнению с этим талантом.

Хотя Сахаров и нечасто по своей инициативе проводил семинары, но когда тема глубоко волновала его, затрагивала сердце, Андрей Дмитриевич энергично собирал большую аудиторию. Так было, когда он делал сообщение о вреде для человечества атомных испытаний – он пригласил на него сотрудников нескольких подразделений института. Помню, один из присутствовавших на докладе, большой эрудит, услышав о возможном количестве жертв во всех грядущих поколениях в результате нынешних испытаний, воскликнул: «Но ведь столько людей гибнет только за один год в мире от автомобильных катастроф!». На это Сахаров ответил: «Нам дорог каждый человек».

Уже будучи академиком, Сахаров нашел время и с удовольствием прочитал школьникам нашего города лекцию о теории относительности Эйнштейна. Он очень понятно, в оригинальной трактовке, рассказал об основах теории, пояснил ее эффектными примерами, охотно и подробно ответил на вопросы юных слушателей.

В то время молодые теоретики, придя на работу, обычно обсуждали в коридоре последние события политической и научной жизни. Сахаров, проходя мимо, всегда подключался к обсуждению. Его мнения были логически обо-

снованы и зачастую отличались от официальной точки зрения, например, в вопросе об инициаторах войны между Южной и Северной Кореей. Чувствовалось, что Андрея Дмитриевича живо интересуют все стороны жизни, глубоко волнуют судьбы людей.

Андрей Дмитриевич деликатно относился к своим подчиненным, не докучал им требованиями соблюдать «трудовую дисциплину», о работе сотрудника судил по результатам.

Однажды он зашел в комнату одного сотрудника, но тут же вышел из нее на цыпочках и сделал предостерегающий жест: «Тише, Володя спит». Юноша сладко почивал в кресле – видимо, ночью ему не удалось выспаться.

Когда молодые специалисты попадали в затруднительное финансовое положение, они обращались за помощью к Забабахину или Сахарову. Эти люди никогда не отказывали, охотно одалживали, сколько могли.

Летом пятьдесят четвертого года я затеял лодочное путешествие по реке Мокше. Предстояли немалые затраты, и я намеревался одолжить у Андрея Дмитриевича сумму, которая составляла примерно половину моей зарплаты. Немного волнуясь, я изложил Андрею Дмитриевичу свои планы на отпуск. Он с интересом выслушал, одобрил. «Только смотрите не утоните», – весело добавил он. Потом, заглянув в бумажник, сказал с улыбкой: «Вам повезло, как раз такая сумма у меня имеется».

Когда через месяц, загорелый и довольный, я в коридоре рассказывал коллегам о своих приключениях во время путешествия, Андрей Дмитриевич с улыбкой слушал мое повествование.

Этот ученый, поглощенный научными проблемами, человек, казалось бы, не от мира сего, близко к сердцу принимал невзгоды, выпадавшие на долю его коллег – и молодых, и солидного возраста.

Однажды Лена Малиновская, одна из первых девушек среди математиков института, не вышла на работу после отпуска. Все встревожились. Взволновался и Андрей Дмитриевич, даже взялся за телефон, чтобы навести справки и принять экстренные меры. Но тут выяснилось, что тревога была ложной – на работу Лене полагалось выйти лишь на следующий день. От сердца отлегло, и Андрей Дмитриевич утром прочитал Лене стихотворение, в котором описал эту драматическую ситуацию:

Прибежала утром Заля,
Вся в слезах, и бледный вид.

«Наша Леночка пропала!» –
С болью в голосе кричит.
«Может, Лена утонула,
Может, волк ее заел?»,
Шура тут же позвонила
В хирургический отдел.
Все шумели, все кричали,
Телефон звонил с утра,
Так мы Леночку встречали
Из дом-отдыха вчера.

(Заля – математик Розалия Романовна Тимонина, Шура – секретарь К. И. Щёлкина Александра Тимофеевна Михайлина).

В другой раз и я невольно заставил Сахарова поволноваться, и он принял живейшее участие в моей судьбе.

В те времена сурового режима из города можно было выехать только в отпуск или по особой необходимости – на похороны родственников или для женитьбы (так, Лев Феоктистов несколько раз ездил в Москву «жениться»). А на выходной день можно было выехать только организованно, в составе охотничьей, рыболовной или туристической групп. Физики и математики часто ходили в пешие походы по живописной пойме Мокши, по дремучим лесам Мордовского заповедника. Я любил природу и тоже участвовал в этих походах. В то время я приобрел мотоцикл с коляской «Иж-49» и решил для интереса выехать на нем с пешей группой. Путь наш шел по границе заповедника, вокруг шумели светлые березки, золотились сосны. Дорога была рыхлой, песчаной, коляску мотоцикла доверху нагрузили увесистыми рюкзаками девушек-туристок, мотор ревел от натуги, перегревался, и я еле успевал за пешеходами. Вечером разбили палатки в соснячке на берегу Мокши. На другой день купались в стремительной Мокше, загорали, ловили раков, рискуя целостностью пальцев. После полудня пешие туристы отправились домой, а мы с Ильей Яковлевичем Пламенновым решили еще порыбачить, рассчитывая догнать пешеходов – благо, рюкзаки сильно полегчали. Но когда мы собрались в путь, двигатель, чихнув несколько раз, наотрез отказался заводиться. К тому же разразился страшнейший ливень. Насквозь промокший, я побежал по лужам в ближайшее село – Жегалово. Там разыскал мотоциклиста, растолкал его, поднял на ноги – он был крепко пьян. «Есть у меня эта прокладка», – наконец, понял он мою просьбу. «Садись сзади и держись крепче», – с

Дом Сахарова. Саров

трудом попав ногой на педаль стартера, он завел свой «Иж» и мы помчались – в лес, в темноту, в грязь.

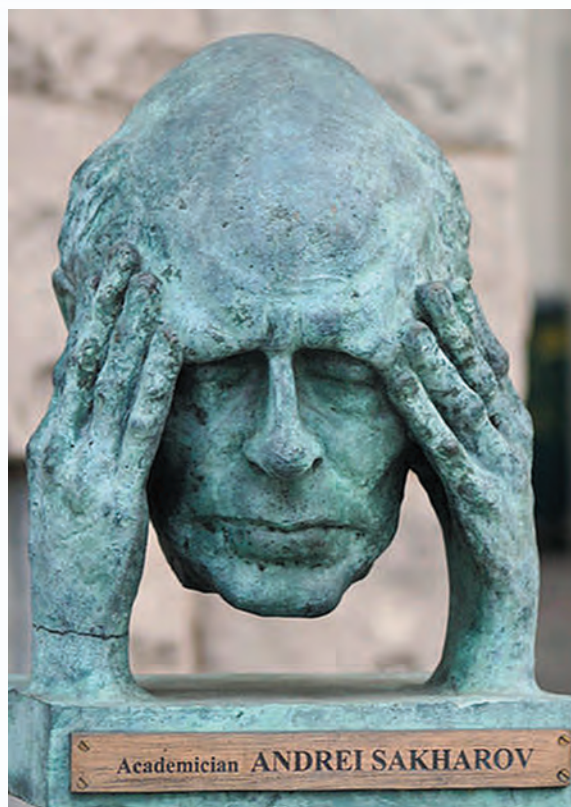
Большого страха, чем в этом головокружительном путешествии с пьяным мотоциклистом, я не испытывал ни разу в жизни ни ранее, ни потом. Ревел мотор, в свете фары сверкали лужи, нас захлестывали фонтаны грязной воды, по лицу хлестали ветки, на зубах скрипел песок. Водитель с невообразимой ловкостью отталкивался ногой от земли, сохраняя равновесие, но все же раза два мы заваливались в лужи. Небольшое удовольствие, тем более, что поднять мотоцикл было нелегко – бешено вращающееся, как центрифуга, колесо обдавало грязью все окружающее. Тем не менее, мы уже через час на своем отремонтированном мотоцикле въезжали в темное село. Пришлось заночевать. А утром мы решали труднейшую проблему: как разузнуть дорогу домой. Ведь мы чуть ли не под страхом смертной казни и заикнуться не могли о том, где живем. Я стал «вешать лапшу на уши» приютившему нас сельчанину: дескать, мы учителя из мордовского села Теньгушева, догоняем школьников-пешеходов. Сметливый хозяин улыбнулся и показал на горьковский номерной знак мотоцикла: «Таких номеров в Мордовии не бывает. А ваши "школьники" вчера прошли в Саров. Вот она, прямая дорога, дуйте». И мы «дунули» по непросохшей еще лесной дороге, вспугнув по пути пару глухарей, и вскоре прибыли на солдатскую заставу. Нас встретила радостными возгласами группа солдат, грузившаяся в тяжелую машину. Подбежал капитан:

«Я – командир группы розыска. Вы Пламеннов и Феодоритов? Следуйте за мной».

Оказывается, утром Сахарова известили о том, что мы не вернулись из похода. Андрей Дмитриевич тотчас же позвонил начальнику КГБ и решительным тоном сообщил, что пропали два физика-теоретика, владеющие секретами чрезвычайной государственной важности. Их следует срочно разыскать, иначе стране может быть нанесен непоправимый ущерб. Сахаров сказал, что он будет дежурить у телефона и каждые полчаса ждать сообщений о принятых мерах.

Андрей Дмитриевич тепло встретил нас, заинтересовался, не простудились ли мы, с улыбкой выслушал рассказ о наших злоключениях. А Зельдович высказался сурово: «Надо было сделать невозможное, но добраться до дому вовремя. Хоть бросить все и ползти». Может быть, он был и прав, но как оставить на произвол судьбы мою мечту – мотоцикл, да к тому же приобретенный вскладчину?

Вспоминается забавный эпизод. В 1954 г., осенью, я впервые был на Семипалатинском полигоне. Я ранее слышал, что в окрестностях полигона хорошая охота, и взял с собой двустволку. В свободный день мы с В. А. Давиденко, страстным охотником, поехали в горный массив Дагелен, к нам присоединились, ради прогулки, Зельдович и Сахаров. Дорога шла по желтой выжженной солнцем степи, ветер гонял по ней пережари-поле. Крупная белая полярная сова, подстерегавшая на камне у дороги мышей, стала охотничьим трофеем Давиденко. Подъехав к предгорьям, мы в бинокль наблюдали, как по горным кручам грациозно прыгали архары – горные бараны с витыми рогами. Они были за пределами выстрела даже для Давиденко, обладателя диковинного четырехствольного ружья: два ствола дробовых и два пулевых, один из которых заряжался дальнобойным крупнокалиберным патроном. Устав карабкаться по

Памятник Сахарову. Вашингтон

скалам, мы подкрепились консервами и решили пострелять по консервным банкам. Первыми состязались знаменитые охотники – Давиденко и я. Зельдович с размаху и с явной опаской бросил банку ввысь, гремел дуплет, банка звякала о землю и... ни одной пробоины. Стыд! Настал черед Сахарова. Мы показали ему, как держать ружье, куда смотреть, на что нажимать. Взлетела банка, Сахаров зажмурился и рванул спуск. Грянул выстрел... Стрелок вскрикнул от боли. По неопытности Андрей Дмитриевич не прижал ружье к плечу, и приклад при отдаче неожиданно сильно ударил его в ключицу. Сахаров потирал ушибленное плечо, а я поспешил к банке. О чудо! Банка была изрешечена дробью. Знаменитые стрелки были посрамлены и весело поздравили Андрея Дмитриевича с метким выстрелом.

Глубокий след в моем сердце и в сердцах моих товарищей оставило общение с прекрасным человеком, талантливейшим ученым – Андреем Дмитриевичем Сахаровым. Он был светлым.

ФЕОДОРИТОВ Вячеслав Петрович –
доктор физ.-мат. наук, лауреат Сталинской
и трех Государственных премий